

сокращение безударных гласных, причем долгие гласные изменяются в краткие (в сохранивот протяжливости). Друг другу и гласным среднего и нижнего подъема), а краткие — в сверхкраткие (и нейтральной в редуцированном среднем подъеме) [ъ]/[ь]). В восточнорусском наречии редуция подергается... гласные широкого образования: редуцировались они только в ударном положении; под ударением эти гласные сохраняли свой первоначальный звук. Редуция этих гласных стоит в несомненной связи с их краткостью» [Шахматов 1915: 331].

(13)

безударные слог			
и → и	и → и	у → у	
ѣ → ѣ			
с → ъ	а → ѧ/ъ	о → ѧ/ъ	о → ѧ/ъ

Сначала, впрочем, А.А. Шахматов постулирует переход

(14) ѣ → е в безударном положении: "Что до звука, соответствующего исконному ѣ, он... не потерял свой дифтонгичности в восточнорусскую эпоху, но она удерживалась только под ударением; в безударном положении же оно изменилось в е; следовательно дифтонгизация е во в безударных слогах и дифтонгизация его под воздействием ударением. Вследствие этого под ударением исходное ѣ было звуком ужим, а в безударном положении широкоим; редуцируясь в этом последнем положении, оно под ударением сохранило долготу: в ѣдѣ, в ѣтѣ перешли в ѣдѣдѣ, в ѣтѣтѣ, откуда bat'it': set'it', на set'it' перешли в set'it', на set'it' отсюда lat'it', на sat'it'" [Шахматов 1915: 335], что дает

гласных, так и согласных фонема: *lid - lead* с одной стороны и *lid - lit* с другой) [Бекман 1986]. В русском языке по интенсианности достаточно надежно выделяются лишь заударные гласные, предударные же чаще всего превосходят ударный по этому показателю [Князев 1998]. Наконец, распределение интенсианности в слове в огромной степени зависит от фразовых условий, так что говорить о какой-то роли интенсианности в создании эффекта ударности можно только на материале произношения изолированных слов: "Традиционной является точка зрения, в соответствии с которой русское словесное ударение характеризуется как динамическое... Это положение можно объяснить только тем, что при описании свойств словесного ударения с помощью теоретической точки зрения более или менее безразлично, как его называть — динамическим или количественным. В тех случаях, когда необходимо практически использовать подлинные признаки ударения, оказывается, что опираться на старые представления о его динамическом характере невозможно... Детальные исследования проекции показали, что она зависит от двух факторов: во-первых, от качества гласного... во-вторых, от положения слота в слове — чем ближе слог к началу слова, тем больше проекция гласного в этом слоте" [Бондарко 1998: 218-219]. "The intensity scale is generally independent of stress" [Kozdazov 1999]. Таким образом, сейчас вряд ли можно принять точку зрения, согласно которой в эпоху возникновения акцента "ударный слог противопоставлялся остальным (безударным) по силе и интенсианности" [Горшкова, Хабургаев 1997: 116].

13 Если считать, что описываемый процесс происходит после перехода е → ѣ в протияном случае — о → ѧ.

14 Связь между "ѣ" А.А. Шахматов обозначает "редуцированную гласную (короче краткой) перенесенного ряда" [Шахматов 1915: 332] (в современной русской транскрипции [ъ]), связью между "ѧ" — редуцированной гласной (короче краткой) среднего ряда" [Шахматов 1915: 331] (в современной русской транскрипции [ь]).

15 Таким образом, [ъ] после мягких согласных возмозается А.А. Шахматовым к широкому гласному на месте безударных ѣ, е, ѧ.

(15)

безударные слог			
и → и	и → и	у → у	
ѣ → с → ѧ			
с → ѧ	а → ѧ/ъ	о → ѧ/ъ	о → ѧ/ъ

В дальнейшем утрачиваются количественные различия в ударном слог (сокращаются долгие, т.е. гласные верхнего и верхне-среднего подъема).

(16)

ударный слог			
и → и	и → и	у → у	
ѣ → ѣ		ѧ → ѧ	
с	а	о	о

При этом происходит компенсационное удлинение гласного первого предударного слог, но только в том случае, если он был редуцированным:

(17) ѧ ѧ → а перед гласными верхнего и верхне-среднего подъема: "Оставившая пока только на слог предударных, видим, что при наличии здесь редуцированной полукраткой гласной, в следующем ударном слог могла стоять или гласные долгие ужим, или гласные краткие широкие. В восточнорусском наречии слова второго типа сохранялись, без изменения; напротив, еще в восточнорусскую эпоху слова первого типа должны были подвергнуться изменению вследствие наступившего здесь общего сокращения долгих гласных; сокращение долгой ударяемой гласной имело следствием удлинение полукраткой гласной предшествующего слог; удлиняясь, а переходило в и; е переходило в и, а в других в е" [Шахматов 1915: 333]. Таким образом:

(18)

предударный слог	ударный слог
и, у, (о, а →) ѧ → а	и, ѧ, у
и, у, (о, а →) ѧ → а	ѧ, ѧ
и, у, (о, а →) ѧ	с, о
и, у, (о, а →) ѧ	а

Аналогично устроено и диссимилативное явление (после мягких согласных):

(19)

предударный слог	ударный слог
и, у, (ѧ, е, а, (о) →) ѧ → а	и, ѧ, у
и, у, (ѧ, е, а, (о) →) ѧ → а	ѧ, ѧ
и, у, (ѧ, е, а, (о) →) ѧ	с, о
и, у, (ѧ, е, а, (о) →) ѧ	а

Предложенная схема полностью соответствует объяснению типу диссимилативного явления: все остальные типы акцента-явления, в том числе и диссимилативный, рассматриваются А.А. Шахматовым как нарушения исходной (архавической) модели.

предударного вокализма в результате аналогического выравнивания: "Большая часть южнорусских и белорусских говоров отступили далеко от сложных отношений восточнорусской эпохи. Из двух типов второго¹⁹ получили перевес над первым¹⁷ и вытеснили его. В предударных слогах была проведена однообразная система. Сюда относятся, например, московское наречие и сошские с ним, где после твердых согласных последовательно проводится *я*, после мягких *е* (*я*)... Нарядом с архаичными должно принять те (говоры), в которых чередование гласных неопознано образования и гласной *я* зависит от природы ударяемой гласной, ибо подобное различение гласных в предударном слове должно быть признано более древним состоянием, чем то однообразие, которое наступило, в силу естественного влияния звуковой аналогии, в других говорах" [Шахматов 1915: 338-339].

Основные недостатки изложенной выше концепции состоят в следующем:

1. Предполагается сохранение в фонетической системе русского языка эпохи после падения редуплицированных праславянских долгот (утраченных в фонологическом уровне еще в дописьменную эпоху) на "примитивном" уровне. Также предполагалось, что вряд ли можно считать обоснованным. Так, исходя из этой типологии следовало бы ожидать, в частности, наличия "орфоэпических" различий по длительности между соседними [о], восходящими к *ъ, ъ и ѳ*.
2. Постулируется раннее сокращение *я*, не обоснованное ничем, кроме необходимости объяснить механизм формирования аканья.
3. Предполагается удлинение *ѳ*, возникшего из краткого *ѳ*. Вобщем, место *ѳ* в соответствии с концепцией А.А. Шахматова выглядит довольно неправдоподобно: сначала предполагается его удлинение на фоне отсутствия фонологических противопоставлений по долготе, затем сокращение в ударном слове.
4. Постулируется раннее сокращение *ѳ*: в безударных слогах, не обоснованное ничем, кроме необходимости объяснить механизм формирования аканья.
5. А.А. Шахматов не различает позиции перед конечными и неконечными ударными гласными при том, что по его же утверждению, еще на праславянском этапе конечные долгие гласные (например, носовое *ѳ*, давшее в восточнославянских диалектах *у*) подвергались сокращению [Шахматов 1915: 331-343]: в силу этого обстоятельство "сократившиеся" *у* в *несу* и сохранившиеся долготу *у* в *несу* должны были бы оказывать различное воздействие на гласный предударного слога, но оказывается, что последние это одинаково... Если же принять, что *несу* содержит рано сократившиеся *у*, в диссимиллятивно аканьем слове должно было бы быть **несу* (как *нисид*)" [Кузнецов 1964: 32-33].

6. Наличие систем типа (1.1), (1.2) представляется маловероятным с общеславянской точки зрения. Согласно одной из фонетических универсалий, при отсутствии фонологического противопоставления по долготе собственная длительность гласных возрастает с понижением их подъема (попробуйте об этом см. ниже).

7. Неясно, почему "экспираторное" ударение вызывает сокращение ударных гласных.

8. Приводится предположить несамостоятельное возникновение сильного аканья на западе и востоке аканьей территории: "Диссимиллятивное аканье вообще старше сильного... Сильное аканье белорусских и южнорусских говоров развилось в каждом из них независимо от другого" [Дурново 1918: 26-27].

¹⁶ с [а] в предударном слове. — С.К.
¹⁷ с [а] в предударном слове. — С.К.

18. Взгляды Шахматова в Дурново основываются на недоказанном и "географическом" в высшей степени неправдоподобном предположении, что долгие *я* сократились, якобы раньше, чем долгие *у*, *ѳ*. Обычно, однако, как известно, именно *я* более гласные сокращаются особенно легко, тогда как открытые гласные наиболее упорно сохраняют свою долготу" [Грубская 1987: 161].

9. Диссимиллятивные модели вокализма чрезвычайно разнообразны и иногда весьма сложны. Диссимиллятивным принципом (см. 1.10). Предложенная А.А. Шахматовым типология объясняет возникновение только архаического типа аканья, остальные его типы в соответствии с этой типологией представляются собой либо результаты разрушения восточной (архаической) модели, либо модели, сформировавшиеся параллельно с архаической. При этом если недиссимиллятивное аканье может быть рассмотрено просто как улучшение восточной диссимиллятивной модели (т.е. как обобщение предударного [а] в положении перед всеми ударными гласными), то разнообразие типов диссимиллятивного аканья вряд ли могут быть выведены непосредственно из архаического¹⁸. То же относится к системе умеренного аканья, возникновение которого принято объяснять несомненно именно недиссимиллятивного аканья на оканью модель взаимиро-поволяющего типа [Сидоров 1951; 1966].

(1.10). Типы диссимиллятивного (в скобках — соответствующего ассимиллятивно-диссимиллятивного) аканья.

Ударный гласный	Гласный 1-го предударного слога:									
	и/у	ѳ	ѳ	ѳ	ѳ	ѳ	ѳ	ѳ	ѳ	ѳ
донской	а	и	и	и	и	и	и	и	и	и
дмитриевский	а	а	а	а	а	а	а	а	а	а
архангельский	а	а	а	а	а	а	а	а	а	а
суджанский	а	а	а	а	а	а	а	а	а	а
(индусовский)	а	а	а	а	а	а	а	а	а	а
мосальский	а	а	а	а	а	а	а	а	а	а
(кутумовский)	а	а	а	а	а	а	а	а	а	а
шигровский	а	а	а	а	а	а	а	а	а	а
(ноносколовский)	а	а	а	а	а	а	а	а	а	а
жигаринский	а	а	а	а	а	а	а	а	а	а

¹⁸ Выделены типы аканья, для которых существуют параллельные типы вокализма после твердых согласных.

¹⁹ Впрочем, Н.Н. Дурново считал возможным объяснить образование, например, суджанского аканья из обоянского в результате утраты гласных фонем средне-верхнего подъема, но не фонетическим путем, а путем аналогии: "Факты... заставляют отказаться от чисто фонетического объяснения возникновения аканья Суджанского типа и искать его в имитации по аналогии. Такую аналогию, благодаря которой могло возникнуть аканье Суджанского типа, мы найдем, если предположим, что впервые оно развилось из аканья обоянского типа: 1) о старое под ударением приближительно равно, чем *ѳ* в *ѳ*, 2) *ѳ* в *ѳ* старых *ѳ*, *ѳ* под ударением в общем чаще раза в полтора, чем *ѳ*. Эти отношения должны были выветь в говорах с аканьем Обоянского типа в случае утраты различия между ударными и старыми и *ѳ* и *ѳ* между ударными и *ѳ*, *ѳ* в старых и *ѳ* в *ѳ* стремление к распространению предударного *ѳ* на положение перед слогом с *ѳ* и *ѳ* и предударной редуплицированной гласной на положение перед слогом с *ѳ* и *ѳ*, перед слогом с *ѳ* и *ѳ* или из *ѳ* должно было сохраниться старое проявление с редуплицированной гласной, если это о по качеству или по количеству в то время еще не совпало с *ѳ* старым и *ѳ* *ѳ*" [Дурново 1918: 45-46]. Эта точка зрения развивается в работах К.Ф. Захаровой [Захарова 1959; 1961; 1971; 1977]. Исконные и попытки дать фонетическое объяснение Суджанскому типу аканья: "Поскольку Суджанский тип вокализма находится в зоне диссимиллятивной зависимости гласных по ступеням подъема, то не исключено, что в эпоху его формирования в говорах этой территории непрерывные гласные были более высокими по подъему, чем переносные, и граница между верхним и нижним подъемами проходила между гласными типа [о] и гласными типа [ѳ]" [Пожарникова 1997: 49]. Такое объяснение вряд ли можно принять, так как даже в пределах одного подъема переносные гласные всегда являются более высокими, чем задние: "Без задний ряд (и его гласных) гласных по основным уровням подъема) расположен относительно ниже, чем средний, и тем более, передний ряд" [Высоцкий 1967: 56].

²⁰ Для типа аканья, параллельного донскому аканью, Д.Д. Касаткин и Р.Ф. Касаткина

Так, например, формирование донской и жидиринской²¹ моделей вокализма объяснено как следствие утраты различий между гласными среднего и верхне-среднего подъема. В этом случае возникает вопрос о времени такой утраты. Если совпадение *о* и *о*, *э* и *э* относится к эпохе до момента формирования аканья, то формирование донской модели объясняется совершенно непротворчиво (гласные *о* и *э* просто исконно-чаются из рассогласия), но для объяснения механизма формирования жидиринского аканья необходимо предположить либо совпадение *о* и *о*, *э* и *э* в (попытку) гласных средне-верхнего подъема, либо удлинение исходных кратких *о* и *э* при сокращении исходного-верхнего *а*, т. е. *о е а*: *о о*: *э э а*: оба эти предположения представляются в равной мере маловероятными.

Если же совпадение *о* и *о*, *э* и *э* относится к эпохе после момента формирования аканья (то есть донское и жидиринское аканье выводится непосредственно из архаического)²², то несерьезным остается вопрос о том, почему в этих говорах не сохранилась исходная реализация предударных гласных в зависимости от разных ударных гласных — ведь очевидно, что в современных говорах с архаическим аканьем часть фиксируется пятифонемный вокализм, но реакция гласного предударного слога на этимологические *э* и *е* под ударением сохраняется: перед ударным [с] из *э* произносится [а], а перед ударным [с] из *е*, *ь* — [ъ] ([навэс] — *наветс*; но [нъв'фрх'ьм] — *на в'фрх'ьм*)²³.

Наконец, этой гипотезе противоречат тот факт, что донское и особенно часто жидиринское аканье-аканье фиксируются не только в пятифонемных, но и в семи- и шестифонемных современных говорах (таком, в частности, говор дер. Губаревы Семилукского района Воронежской области, в котором семифонемный ударный вокализм существует с жидиринским аканьем и донским аканьем). Такие случаи отмечаются достаточно часто — ниже (см. Табл. 1.11) приводятся сведения о составе гласных фонем и типах предударного вокализма после твердых и после мягких согласных в

предложили название "прохоровское аканье" [Касаткина и др., в печати]. Однако в тексте настоящей статьи термин "прохоровское аканье" и "донское аканье" употребляются как синонимы (хотя последнее название является гораздо менее удачным, такое словоупотребление неудобно, так как позволяет одним термином обозначать параллельные модели после твердых и после мягких согласных).

²¹ Жидиринское аканье в настоящее время является самой распространенной из диссимилативных моделей вокализма; оно свойственно западным говорам южнорусского наречия.

²² Если принять предложенное объяснение Заонского и Обоянского типов аканья, то аканье Донского и Жидиринского типов надо считать вторичным или возникшим при других условиях. Что касается первого из них, то возникновение его можно отнести к той же эпохе, как и Обоянского, если предположить, что дифтонги... еще раньше сократились и совпали с *о* и *э* другого происхождения... Это предположение я не решаюсь выставлять как единственно возможное и считаю допустимым и другое предположение — что *о* под воздействием ударения и *ь* утратили дифтонгическое произношение и совпали с *о* и *э* другого происхождения значительно позднее эпохи возникновения аканья, и что это самое совпадение их с *о* и *э* другого происхождения и вызвало изменение бывшего ранее в этих говорах аканья Обоянского типа в аканье Донского типа. В таком случае замена предударного *а* черед с *о* и *э* перед слогом с *о* и *э* из бывших дифтонгов могла явиться только по аналогии со случаями, где было предударное *и* и перед слогом с *о* и *э* другого происхождения (Дурново 1918: 59-60): "Привычны образования аканья Жидиринского типа могли быть те же, что и аканья Сужавского и, м.б., Донского типов, т.е. утрата дифтонгического произношения *о* под воздействием ударения и *ь* и совпадение их с *о* и *э* другого происхождения... Быть может, в сперва распространялось лишь на положение пера слогом с *о* и *э*, затем по аналогии с этими случаями в положение перед слогом с *о* и *э*, и, наконец, на остальные положения вследствие вытеснения редуцированной гласной из большинства случаев в положении перед слогом с гласными среднего подъема" [Дурново 1918: 61-62].

²³ См., например [Захарова 1959: 1961].

некоторых южнорусских говорах по данным звучащей хрестоматии [Касаткина и др., в печати].

(1.11)

Населенный пункт	состав гласных фонем	тип аканья	тип аканья
Смоленская обл., Руднянский р-н	а, о, е, ё, и, у	жидиринский	дмитриевский
Калужская обл., Хвостовичский р-н, с. Бояновичи	а, о, е, ё, ё, и, у	донской	
Белгородская обл., Алексеевский р-н, д. Афанасьева	а, о, е, ё, ё, и, у		суздальский
Липецкая обл., Елецкий р-н, д. Хитрово	а, о, е, и, у	архаический	
Воронежская обл., Россошанский р-н, пос. Лебедь-Сергеевский	а, о, е, ё, ё, и, у	жидиринский	архаический
Тамбовская обл., Староорловский р-н, д. Поповка	а, о, е, ё, и, у	жидиринский	орловский
Староорловский край, Делюковский р-н, ст. Делюговская	а, о, е, ё, и, у	жидиринский	киусовский

То же относится и к рязанским говорам с ассимилятивно-диссимилативным аканьем: "Обращает на себя внимание тот факт, что семифонемный состав ударных гласных, которым характеризуется говоры северной, северо-восточной и юго-восточной окраины Рязанщины, ни в одном случае не сочетается с таким предударным вокализмом, который хотя бы указывал на былую зависимость от характера ударенного вокализма; говором, в котором ассимилятивность наслаивалась бы на архаический тип диссимилативного аканья, в Рязанщине не отмечено совсем. Чаще всего при семифонемном составе ударных гласных предударный вокализм характеризуется новоселковским аканьем (см. населенные пункты 327, 329, 331, 332, 335, 550, 564, 569, 581, 594, 605²⁴), но есть говоры, где при семифонемном составе гласных отмечено киусовское аканье (296, 297)" [Мордаховская 1962: 99]²⁵. Таким образом, непротворчивое объяснение развития большинства диссимилативных и ассимилятивно-диссимилативных типов аканья-аканья невозможно ни исходя из первичности архаического аканья, ни исходя из гипотезы их параллельного развития путем, предложенным А.А. Шахматовым²⁶. Тем самым, вряд ли можно согласиться с мнением о том, что анализ отношения между структурными типами аканья-аканья позволяет сделать вывод о первичности именно обоянской диссимилативной модели, как полагают Р.И. Айнсов [Айнсов 1952: 39], К.В. Горшкова и Г.А. Хабургаев [Горшкова, Хабургаев 1997: 111]. По сути, системных аргументов в пользу такой точки зрения всего два: 1) этот тип безударного вокализма предлагается концепцией А.А. Шахматова; 2) эта модель наиболее отчетливо отражает противопоставление гласных среднего и средне-верхнего подъема (однако из этого вовсе не следует, что все типы аканья-аканья развились именно из него). Этого явно недостаточно для того, чтобы принять подобную точку зрения.

Одно из приведенных выше соображений (см. п. 2, с. 80) как будто бы может быть отведено на основании данных, полученных в последнее время. Так, К.В. Горшковой и Г.А. Хабургаевым было выдвинуто предположение о том, что ранее сокращение *а* можно считать обязательным вследствие существования ассимилятивно-диссимилативных

²⁴ Номера населенных пунктов по [АНРГ 1957].

²⁵ Отметим еще раз, что при новоселковском аканье предударный гласный одинаково реагирует на ударные [о] и [о], а при киусовском — и на ударные [е] и [э].

²⁶ На возможность того, что различные типы аканья могли возникнуть одновременно, указывала еще Р.О. Якобсон [Якобсон 1929], а на то, что колониальным типом аканья вероятно, всего было аканье недиссимилативное, — О.Б. Курлио [Курлио 1928] и Н. Ван-Бекк [van Wijk 1934-1935].

тивных моделей аканья и аканья, которые не были известны А.А. Шахматову: "Современный диалектологический материал, указывающий на давность ассимилятивно-диссимлятивных различий и единство происхождения ассимилятивно-диссимлятивных и собственно диссимлятивного аканья-аканья, не требует такого предположения: достаточно считать, что окранные говоры Двинско-Семьинского междуречья в период осуществления первой стадии сокращения гласных могли в узком ареале сократить также и под ударением компактный гласный [a], в то время как остальные говоры, первоначально с ним связанный (по среднему течению Оки, продолжали сохранять этот гласный как долгий" [Горшкова, Хабургаев 1997: 118-119].

Однако и привлечение для анализа этих типов диссимлятивного аканья-аканья не снимает всех вопросов: во-первых, все равно приходится постулировать сокращение [a] в безударных слогах (т.е. иначе он не совпадает с рефлексами [e] и [o]) при отсутствии такого сокращения у безударных [e] и [y]. Во-вторых, принятию ассимилятивности обычно накладываются на многие типы диссимлятивного аканья, кроме как раз архангельского, на анализе которого строится гипотеза А.А. Шахматова. В-третьих, в тех говорах, в которых предполагается наличие ассимилятивно-диссимлятивного аканья на основе архангельского [Касаткина, Шигель 1995], имеет место не только [a]-образный редуцированный²⁷ в положении перед ударным [a], но и набиализованные редуцированные в положении перед ударным [o], и удержденные редуцированные в положении перед ударным [e] [Касаткина, Шигель 1995] – такая образом диссимляция (количественная) в этих говорах является системным фактом, фонологическим (синтаксическим) правилом, а ассимиляция (качественная) – поверхностным, фактологическим (контррегуляционным) явлением²⁸ (в отличие от юго-восточных говоров с "настоящими" ассимилятивно-диссимлятивными аканьями, где и ассимиляция [ʔ] → [a] перед [a]) уже фонологизирована и является лингвистическим правилом). Это обстоятельство позволяет характеризовать описанное Р.Ф. Касаткиной и Е.В. Шигель явление не как особую модель диссимлятивного аканья, возникшую на базе системы с сохранением праславянских долгот, а как простой факт межслоговой вокальной ассимиляции, широко известной не только большинству русских говоров (ср. например, *в[ʔ]д[ʔ]у* при *в[ʔ]д[ʔ]д[ʔ]* в севернорусских говорах, подробно об этом см. [Касаткина 1996]), но и литературному языку (*в[ʔ]д[ʔ]у*, *в[ʔ]д[ʔ]д[ʔ]*, *д[ʔ]в[ʔ]д[ʔ]д[ʔ]* [Пауфогина 1980]). Наконец, в-четвертых, признание ассимилятивно-диссимлятивных моделей аканья наиболее древними заставляет отнести ареал первоначального возникновения аканья на восточную периферию территории его современного распространения, что противоречит мнению о том, что первоначально аканье возникло в самом центре этой территории [Хабургаев 1980: 142-145; Горшкова, Хабургаев 1997].

Такая образом, невозможно не согласиться с мнением П.С. Кузнецова о том, что "обращают на себя внимание противоречия... между различными положениями одной и той же работы, где как раз наиболее полно в последний раз (А.А. Шахматовым) излагается гипотеза возникновения и развития аканья" [Кузнецов 1964: 32].

Принципиально иной взгляд на механизм формирования аканья предложен О. Брок²⁹. В своей работе "Говоры к западу от Мозальска" он писал: «Мена *съдъ-дъдъ, съдъдъ-дъдъ*, по-видимому, связана сначала с относительной долготой в ударном и предшествующих слогах... Можно предположить, что появление *дъ-дъ* зависело сначала

от долготы следующего, ударного гласного... С первоначальноми количественными отношениями общеславянской и общерусской эпох эти ударные долготы краткости не имеют, по-видимому, никакой прямой связи. Они выросли, напротив, по нечисленности старших этимологических количественных отношений. За то обзор говоров, интересующих нас в данном вопросе, который показывает, что ударному *дъ* правильно предшествует *в*, т.е. краткость, ударными же *дъ* и *дъ*, т.е. гласным высокого образования, так же правильно предшествует *дъ*, т.е. долготы. Заключено из этого, что речь идет о количестве "натурой", а было натурой "долгим", *дъ* и пр. натурой "краткими" гласными. Можно предположить, что такая разница зависит от того предикатного явления, что при обстоятельстве, в остальном тождественных, гласный вообще тем длиннее, чем его образование шире" [Брок 1916: 57-59].

С точки зрения современных фонетических знаний это допущение представляется совершенно обоснованным. Так, в среднем, при прочих равных условиях, в среднем русском литературном языке (далее – СРЯ) собственная длительность гласных верха подгласья ([и], [ы], [у]) составляет около 75%, а длительность гласных подгласья ([e], [o]) – около 90% от длительности гласного нижнего подгласья [a] [Кузнецов, Отт 1989: 68]. Тем самым, по объективной длительности гласные среднего подгласья оказываются несколько ближе гласным нижнего подгласья, чем верхнего.

Таким образом, можно считать, что распределение длительностей гласных в фонетической системе древнерусского языка в эпоху возникновения аканья было прямо противоположным тому, которое постулирует А.А. Шахматовым, т.е. самым долгим был широкий гласный [a], самым кратким узкие гласные [и], [ы] и [у], а [e], [o], [ɛ] и [ɔ] занимали промежуточное положение, причем гласные среднего подгласья были несколько более долгими, чем гласные средне-верхнего подгласья, см. об этом ниже, с. 90. Основываясь на гипотезе О. Брока, можно предположить далее, что механизм возникновения аканья был гораздо более простым и непротоформальным, чем это допущается в соответствии с концепцией А.А. Шахматова: "Эта гипотеза гораздо подробнее объясняет происхождение диссимлятивного аканья, чем гипотеза А.А. Шахматова, подержанная Н.Н. Дурново и основанная на праславянских долготных отношениях гласных. К моменту образования аканья эти отношения должны были измениться, тогда как отношения, на которые опирается О. Брок, реально существовали и существуют до сих пор" [Касаткина 1998]. Впрочем, в работе О. Брока нет никаких указаний на то, что он считал первичным именно диссимлятивное аканье, более того, это гипотеза – в отличие от концепции А.А. Шахматова – не требует этого допущения в обязательном порядке. Наоборот, гипотеза О. Брока позволяет объяснить не только и даже не столько происхождение диссимлятивного аканья, сколько – и в первую очередь – аканья *недиссимлятивного* (включая сюда также сильное аканье и канье) как системы вокализма, возникшей раньше более сложного диссимлятивного и уж тем более – ассимилятивно-диссимлятивного аканья-аканья – именно эта точка зрения представляется более адекватной из системных соображений³¹ (как будет показано ниже, различные диссимлятивные модели достаточно просто и непротоформально выводятся именно из недиссимлятивной модели). При этом данная гипотеза позволяет не только отнести возникновение аканья к эпохе после падения редуцированных, но и рассматривать его как непосредственное след-

²⁷ О том, что это не "нормальное" [a] свидетельствует его "повышенное" образование и значительная меньшая длительность по сравнению с [a] в положении перед ударными гласными верхнего подгласья [Касаткина, Шигель 1995: 298].

²⁸ Подробнее об этом см. [Кузнецов 1999].

²⁹ Отметим, что именно редуцированные гласные в наибольшей степени подвержены ассимилятивным изменениям, знаком [ʔ] обозначается дебиализованный редуцированный гласный.

³⁰ О. Брок во время написания своей работы еще не был знаком с книгой А.А. Шахматова "Черк древнейшего периода истории русского языка", где наиболее полно изложена концепция А.А. Шахматова [Брок 1916:61].

³¹ Ср. сходную точку зрения в [van Wijk 1934-1935]. Н. Ван-Вейк считал, что первоначальным типом аканья было аканье недиссимлятивное, на базе которого формировался умеренное аканье и диссимлятивное аканье-аканье. При этом, по мнению Н. Ван-Вейка, все типы диссимлятивного вокализма сложились на основе первичной жидрической модели, а ступень, на которой все безударные гласные неверного подгласья в первом предударном слове нейтрализовались в редуцированном гласном [ʔ] ([ʔ]), отсутствовала. Эта точка зрения нами не разделяется, в первую очередь потому, что выделено разнородный тип диссимлятивного аканья из жидрической модели столь же затруднительно, сколь и из обоянской, а изменение [e], [o] непосредственно в [a] представляется необъяснимым с точки зрения фонетической точки зрения.

стие или продолжение той же самой тенденции — редукция кратких гласных в положении перед последующим долгим. Другим ее существенным достижением является тот факт, что она позволяет предложить чисто фонетическое (не связанное с какими-либо аналогиями) объяснение формирования разнообразных моделей диссимиллятивного аканта-яканья.

Итак, можно предположить, что в процессе формирования количественно-длиначеского ударения все ударные гласные определеным образом (в первую очередь, по длительности) оказываются противопоставленными гласным безударных слогов. Из упрощения всего к сокращению безударных гласных в редукции их по степени [э] ([э]²), в особенности — тех гласных, которые находились перед ударными³³ — точно так же, как сокращались сверхкраткие *ъ* и *ь* в позиции перед гласными полного образования в эпоху падения редуплированных³⁴. При этом сокращению обычно подвергались все гласные, кроме самых кратких, каковыми являлись гласные верхнего подъема (*и*, *у*)³⁵.

(2.1)

предударный слог	
и → и	ы → ы
э → ь	у → у
е → ь	о → ь
я → ь	а → ь

³³ У рассматриваемо качественные изменения вокализма безударных слогов скорее как прямое следствие утраты количества и разности экспираторного ударения. Подобные изменения очень часто наблюдаются в языках с сильной экспираторной ударением и без свободных количественных различий на индоевропейской почве" [Грубецкой 1987: 161].

³⁴ С фонетической точки зрения редукция безударных гласных при таком ударении относится к явлениям такого же типа, как замечательное удлинение гласных, сокращение и синкопирование гласных при удлинении гласных следующего слога и т.п. Слово в потоке речи представляет собой некоторую структуру, высшую тенденцию сокращения своего облика (колебания наблюдаются лишь в известных пределах) как по длительности, так и по сумме затрачиваемой произносительной энергии" [Кузнецов 1964: 34].

³⁵ Сокращение гласных первого предударного слога могло вести к удлинению гласных в позиции перед сокращающимся гласным ([гавь]), что отмечается в сопоставлении говоров с диссимиллятивным аканьем и что было характерно для кратких гласных в положении перед первыми редуплированными.

³⁶ Гласные высокие *и*, *у*, сохранились... Гласные же со средним и низким положением языка распались на две группы, в зависимости от положения после твердого или мягкого согласного. Нужно предположить, что разные гласные внутри каждой из этих групп все сближались в свое время в предударном слове в одну и ту же "редуплированную" гласную артикуляцию, после твердого согласного в задний, а после мягкого согласного в передний "иррациональный" оттенок — т.е. в какие-то "э" и "ь", представлявшие относительно гласные положения безразличности. Первоначальная разница между гласными внутри этих групп (*и*, *о* — *э*, *ь*, *а*, *о*) таким образом исчезла совсем; зато развилась новая разница внутри каждой группы, но уже в зависимости от гласного следующего, ударяемого слога... в зависимости от количества его" [Брок 1916: 26]. Можно предположить, что краткие гласные не сокращались, т.к. их сокращение могло привести к полной утрате гласного, кроме того, [у] в силу его значительной лабиализации вообще редуплируется крайне редко. Впрочем, в части говоров так же, как и остальные безударные гласные, т.е. нейтрализуются с ними: "Старое *у* (*ы*) отмечено в предударном слове... нередко как переходное к *ь* или как несомненное *ь* (*о*), переходившее иногда под влиянием соседнего гласного далее в *и*: *вѣдѣ*, *распространеніи* на ряд случаев с *у* в предударном слове того принципа, который видим при старших *о* — *и* в том же слове: *гладѣ* (*гладѣ*) — *гладѣ* и под" [Брок 1916: 61—62].

Таким образом формируется наиболее архаичный тип аканта — несимметрично-тильное аканье в широком смысле — с негитаризованной фонем верхнего подъема в звуках типа [э] после твердых согласных и типа [э] или краткого [и] после мягких. Этот тип аканта является довольно распространенным³⁶ на территории России — он соответствует пропорционально значительной части носителей русского литературного языка, проживающих на юге и востоке современной Российской Федерации.

³⁷ Особые отношения между гласными ударного и первого предударного слогов (в частности, зависимость длительности предударного гласного от длительности ударного, а также типичная для русского языка редукция одного фразового звена³⁷ на двух этих слогах акцентированного слова³⁸) могли способствовать формированию так называемого "просодического ядра" слова (термин предложил С.В. Козловский), объединяющего всем другим слогам слова по целому ряду фонетических параметров (в первую очередь, по длительности и спектральному составу гласных) преимущественно в акантах русских говоров³⁹, что создает типологически крайне редкую ритмическую схему слова⁴⁰, описанную еще А.А. Потемной⁴¹. В большинстве же северно-

³⁸ В соотношении большинства современных носителей московского варианта СРЯ (особенно — младшей орфоэпической нормы) сейчас в первом предударном слове после твердого согласного фиксируется гласный [э], практически не отличающийся качественно от соответствующего ударного гласного (по крайней мере, в случае отсутствия фразового акцента на данном слове [Кивев 1998]). Однако еще недавно единственно допустимым считалось соотношение в этой позиции звука [А] (точнее [а¹], т.е. гласного более закрытого, чем [а], среднего между [а] и [э]). Можно предположить, что еще раньше этот гласный был еще более закрытым, т.е. [э]-образным, тогда история его изменения может быть описана как последовательное понижение подъема: [э] → [а¹] → [а].

³⁹ Типичная форма интонации такая, что слог перед ударным имеет высокий тон, между тем как ударяемый слог выповаривается на значительно более низком [Брок 1916: 8].

⁴⁰ "(Russian) word consists of a heavy nucleus (stressed and light syllables) and light marginal parts" [Kozlovskiy 1999]. В целом, проблема формирования просодического ядра слова (фрэнчи и механизмы этого явления) представляется собой, пожалуй, наиболее сложную, но и наиболее существенную проблему, связанную с историей аканта. Попытка ее решения принадлежит С.В. Козловскому [Козловский, в печати]. С.В. Козловский связывает это явление с присутствием в словах русского языка, относящихся к акцентной парадигме В. фонетических переломов на стыках слогов (преимущественно корневых и аффиксальных): "Two prosodic features of the stems govern stress location in the words. The first one is [+/-AA]: presence/absence of Articulatory Accent... The second feature is [+/-SSh]: presence/absence of Latrugal Setting Shift" [Kozlovskiy 1999: 854]. Наличие таких переломов маркируется одно-временным удлинением слогов, находящихся как слева, так и справа от фонетического сдвига. По общему правилу русской ритмики (из двух сильных слогов второй всегда является более сильным) ударным с акцентной точкой зрения является слог, находящийся после перелома.

⁴¹ А также в восточных (Владимирско-Половцких) говорах с непонятным аканьем. Подробнее о соотношении по длительности ударного и безударных слогов в разных русских говорах см. [Высоцкий 1973].

⁴² Гораздо более распространенной в европейских языках является ритмическая схема слова с чередованием сильных и слабых слогов: в этом случае первый предударный гласный наряду с первым ударным является самым слабым из безударных: "Существенно обратный внимание на своеобразный характер структурной модели фонетического слова в основной массе русских акантовых говоров... Наиболее сильным является гласный ударного слога, второе место занимает гласный первого предударного слога, третье — гласные остальных безударных слогов... Эта модель отстывает как от модели соседних финно-угорских языков (была не все последние в этом отношении иными, но большинство прабалтийских финских дает чередование по силе четных и нечетных слогов), так и от предполагаемой модели датского предела не только восточнославянских наречий, но и славянской группы в целом. В общендоевропейской системе определенного периода, по-видимому, одним из наиболее слабых был первый предударный слог" [Кузнецов 1964: 34—35].

русских говоров с полным оканьем первый преударный слог не входит в просодическое ядро слова, там ударный гласный в данной мере противопоставлен всем безударным или не противопоставлен им вовсе? [Альмухамедова, Кудышарина 1987; Кузнев, Левина, Пожарникова 1997].

В части говоров (акающих!), сформировавшихся просодическое ядро слова, отсюда между ударным и первым преударным слогами далее не развиваются, что дает современное неидентифицируемое (слабое) оканье с неграниченной преударных гласных верхнего подъема в двух типах [э] после твердых согласных и эканье с неграниценной тех же гласных в [ы] или близком ему по спектральным характеристикам безударном ненапряженном [и] (или [и?]) после мягких согласных (в части говоров – **иканье**):

(2.2)

преударный гласный на месте ё, е, о, я	ударный гласный
после С	после С'
ъ	ы, и, у
ь	ь (→ и)
ь	ь (→ и)
ь	ь (→ и)
ь	ь (→ и)
	э, ё
	е, о
	я

В другой части этих говоров в результате формирования древнерусского ядра просодическое ядро слова развивается в результате первого преударного слога, что приводит к понижению его подъема **снижая до средне-нижнего, т.е. до степени [А] (тоннее [а?]), а затем (например, в современном московском произношении) и до обычного**

слоту, следующему за ударным. Если тоническую силу ударного слога обозначить через 3, то отношение других слогов к ударному в четырехсложном слове можно будет изображать так: 1, 2, 3, 1' [Потебня 1865: 62]. При этом сам А.А. Потебня, по-видимому, имел в виду только различия гласных по интонации и тенору: "В данной работе А.А. Потебня... четко названы лишь два компонента ф. слова: в его структуре отмечены фразации слоговых гласных по отношению к их силе и тенору... Впоследствии... стихийно и вполне произвольно был привлечен еще один компонент ф. слова – длительность гласных" [Высотский 1973: 27]. Современные исследования показывают, что длительность первого преударного гласного в большинстве русских говоров и литературном языке сопоставима с длительностью ударного. На это, впрочем, указывал еще О. Брок: "Гласные в слове преударном совместно удлинены, достигая, по моим наблюдениям, приблизительно, длины гласного ударного слога, если не превышает ее" [Брок 1916: 9]. Он же предположил более точную формулу ритмической организации фонетического слова в русском языке – 62165(4) (где 1 – самый полновесный (ударный) слог, 2 – первый преударный и т.д.) [Брок 1916: 11].

42 Об этом же может свидетельствовать и тот факт, что в севернорусских говорах именно гласный первого преударного слога в наибольшей степени подвержен межслоговой вокальной ассимиляции, которая распространяется обычно на наиболее слабые гласные (в южнорусских говорах – в первую очередь на гласные второго преударного и первого преударного слогов) [Касаткина 1996].

43 С.С. Высотский, впрочем, считал, что "даже частичность ритмической структуры ф. слова в отношении длительности ее сегментов" выражена во всех русских говорах, хотя и в разной – часто ничтожно малой – степени: "Тип VIII – резко про-наположенный предельный тип по реализации двухсложности. Последняя выражена очень слабо... Все три гласные (ударный, первый и второй преударные – С.К.), хотя и слабо, но в принципе различаются по длительности. Особенно мало контрастируют по длительности гласные I и II преударных слогов (соответственно 57% и 51% от длительности I ударного. – С.К.)... Встречается в северной и североочуной зоне (европо-)-русских" [Высотский 1973: 36].

[а]. Этот тип аканта фиксируется преимущественно в тех говорах, где контраст между гласными первого преударного слога и другими безударными гласными выражен наиболее ярко⁴⁴ – в восточных акающих и в псковских говорах (о наличии в псковских диалектах подобной ритмической модели см. [Чекмаев 1998]).

(2.3)

преударный гласный на месте ё, е, о, я	ударный гласный
после С	после С'
ъ	ы, и, у
ь	ь (→ а)
ь	ь (→ а)
ь	ь (→ а)
ь	ь (→ а)
	э, ё
	е, о
	я

В московском варианте литературного языка произошло совмещение вокализма после твердых согласных системы (2.3) и после мягких – системы (2.2):

(2.4)

преударный гласный на месте ё, е, о, я	ударный гласный
после С	после С'
ъ	ы, и, у
ь	ь (→ и)
ь	ь (→ и)
ь	ь (→ и)
ь	ь (→ и)
	э, ё
	е, о
	я

Наконец, в говорах третьего типа гласные первого преударного и других безударных слогов противопоставлены не так ярко⁴⁵. При этом отношении между гласными просодического ядра слова оказываются в этих системах наиболее тесными – в том смысле, что в них наличие или отсутствие удлинения преударного гласного первого преударного слога зависит от отсутствия удлинения преударного гласного в положении перед самым долгим из гласных ([а]) удлинению не происходит (сохраняется [ь]), в позиции перед самыми краткими из ударных гласных (гласными верхнего подъема [и], [ы], [у]) преударный [ь] удлиняется и переходит в [я], а промежуточные ударные гласные среднего подъема (и средне-верхнего при их наличии) могут вести себя в этом отношении либо как нижние, либо как верхние гласные⁴⁶. Так

44 Гласный первого преударного слога в этой системе по длительности практически равен ударному или слегка превосходит его, а длительность гласного второго преударного слога составляет лишь 10–16% от длительности ударного.

45 Длительность гласного первого преударного слога в этих говорах составляет лишь 60–90%, а гласного второго преударного слога – 35–55% от длительности ударного.

46 Нельзя, впрочем, исключать и такой возможности, что количественная диссиминация гласных и неграниценная в безударных слогах гласных верхнего подъема сформировались одновременно, и редуцированный в положении перед ударным [а] был изначально более кратким, чем в положении перед более узкими (и более краткими) гласными [асовон 1929; Чекмаев 1987]. Тогда следует предположить, что в говорах первых двух типов это различие позднее неграниценовалось (или сохранялось лишь в виде количественного), а в говорах третьего типа преобразовалось в качественное.

формируются наиболее простые типы диссимлятивного яканья – архаическое, жидринское, донское (при том, что в положении после мягкого согласного редуплицированный гласный [ъ] изменяется в очень близкий ему по спектральным характеристикам безударный краткий ненапряженный [и] перед долгими, а в долгий [а] перед краткими). Интересно при этом, что в диссимлятивных моделях после мягких согласных [и], противопоставленный [а], оказывается возможным в тех положениях, где после твердых согласных не встречается противопоставленный тому же [а] редуплицированный [ъ] – например, перед гласными верхне-среднего подъема (донское яканье) – по-видимому, именно вследствие того, что он является несколько более долгим, чем [ъ], что еще раз подтверждает наличие компенсаторных отношений по длительности между гласными просодического ядра слова в говорах с диссимлятивным аканьем-яканьем.

(2.5.1) Архаическое яканье обоянского типа

предударный гласный на месте ё, е, о, а	после С'	ударный гласный
после С		
(ъ →) а	(ъ →) а	и, ъ, у
(ъ →) а	(ъ →) а	ё, ѓ
ъ	ъ (→ и)	е, о
ъ	ъ (→ и)	а

(2.5.2) Архаическое яканье задонского типа

предударный гласный на месте ё, е, о, а	после С'	ударный гласный
после С		
(ъ →) а	(ъ →) а	и, ъ, у
(ъ →) а	(ъ →) а	ё, ѓ
ъ	ъ (→ е)	е, о
ъ	ъ (→ е)	а

Наличие [а] в предударном слове перед ударными гласными ɨ, ɛ, ɔ в архаическом типе яканья при [ъ] перед гласными ɨ, ɛ, ɔ отнюдь не противоречит излагаемой теории, так как дифтонги, вопреки довольно часто встречающемуся мнению, не обязательно превышают по длительности соответствующие монофтонги, наоборот, именно монофтонги – если они являются более открытыми (широкими) гласными – должны быть, в соответствии с общей закономерностью, более долгими. В диалектологической литературе встречаются, по-видимому, не совсем точные указания на якобы конститутивный признак дифтонгов – их большую длительность по сравнению со всеми монофтонгами. Дифтонги русских диалектов в натуральной речи действительно представляют несколько удлиненные. Вместе с тем, статистическое обоснование достаточно больших отрывков катетонной записи живой диалектной речи показало, что длительность [yo], [ie]... практически не отличается от длительности [o], [e] в таких же фразовых условиях, в противопоставлении по длительности которого остается преобладающей. [Высотский 1967: 17].

Кроме того, дифтонги на месте (ɛ) и (ɔ) в ряде случаев ведают себя не как особые гласные, а как сочетания гласной (в этом случае совсем кратко м) гласной среднего или средне-верхнего подъема. Инструментальный анализ дифтогов, принадлежащих различным русским говорам, показывает, что они все, по терминологии Д.В. Щербы,

принадлежат категории не истинных, а ложных дифтонгов. Их слоговая вершина сосредоточена ближе к концу или началу гласного образования, так что один из двух основных тембральных компонентов сложного гласного всегда преобладает по силе, что обычно сопровождается и преобладанием его по длительности (последняя составляет 60-85% длительности всего дифтонга). Под влиянием некоторых ритмико-intonационных условий фразы данные дифтонги могут представлять промежуточные формы, напоминающие истинные дифтонги с их равноправными компонентами. Последняя форма сложного гласных в русских диалектах не закреплена и встречается в них как случайное образование речи. [Высотский 1967: 56].

Наконец, чаще всего в говорах с шести- и семиформным вокализмом дифтонги и монофтонги существуют в качестве реализаций гласных фонем средне-верхнего подъема, в сильной фразовой позиции обычно произносятся дифтонг, в слабой – монофтонг: "Здесь образуется закономерная просодическая вариация фонемы как функция определенных ритмико-intonационных условий фразы" [Высотский 1967: 15].

В говорах с жидринским аканьем, а также в качестве долгого функционирует ударный [а], а в говорах с донским типом вокализма – все гласные верхнего подъема:

(2.6) Жидринское яканье

предударный гласный на месте ё, е, о, а	после С'	ударный гласный
после С		
(ъ →) а	(ъ →) а	и, ъ, у
(ъ →) а	(ъ →) а	ё, ѓ
(ъ →) а	(ъ →) а	е, о
ъ	ъ (→ и)	а

(2.7) Донское яканье

предударный гласный на месте ё, е, о, а	после С'	ударный гласный
после С		
(ъ →) а	(ъ →) а	и, ъ, у
ъ	(ъ →) и	ё, ѓ
ъ	(ъ →) и	е, о
ъ	(ъ →) и	а

Особых замечаний требуют сужанский, мосальский, дмитриевский и ширшовский типы диссимлятивного яканья. Для дмитриевского типа принято предполагать раннее совпадение (ɛ) и (ɔ) при сохранении различия (ѓ) и (ѓ) [Хабургаев 1975]:

(2.8) Дмитриевское яканье

предударный гласный на месте ё, е, о, а	после С'	ударный гласный
после С		
(ъ →) а	(ъ →) а	и, ъ, у
(ъ →) а	(ъ →) а	ѓ, ѓ
ъ (→ и)	ъ (→ и)	е, о
ъ (→ и)	ъ (→ и)	а

В яканье сужанского и мосальского типов, различающихся только временем перехода е в ѓ после мягких согласных перед твердыми, как долгие были обобщены

все ударные негласноизоглавные гласные верхнего подъема, а в яканье шипровского типа – только гласноизоглавные гласные среднего и нижнего подъема:

(2.9) Суджанское яканье

предударный гласный на месте ё, е, о, а	ударный гласный
после С	
	и, ъ, у ѐ, е
	а

(2.10) Шипровское яканье

предударный гласный на месте ё, е, о, а	ударный гласный
после С	
	и, и, у ѐ, ѐ, е
	а

Различия в реализации гласных фонем верхнего подъема в положении перед ударным гласным одного и того же подъема, присущие дмитриевскому, суджанскому и шипровскому типам диссимиллятивного яканья (во всех этих моделях [и] произносятся перед ударным гласным, находящимся в положении после мягкого согласного, а [а] – в позиции перед ударным гласным того же подъема, находящимся в положении после твердого; см. 2.11) могут быть объяснены тем, что собственная длительность ударных гласных в положении после мягких согласных несколько больше длительности гласных в позиции после твердых – вследствие наличия при их произнесении [и]-образного переходного участка: «Гласные застыло длительнее после мягких, чем после твердых». Объяснение этого явления очевидно: гласные после мягких согласных начинаются среднеслышными "переходными звуками" типа *i-e*, которые вяжутся, по-видимому, существенным моментом для акустического восприятия мягкости согласного перед гласным. Для правильности этого восприятия среднеслышный элемент должен быть, по-видимому, настолько длителен, что при нормальной длительности всего гласного⁴⁸ он затруднил бы правильное восприятие качества самого гласного. Результатом этого и является его удлинение» [Шербя 1912: 135].

(2.11)

предударный гласный	[и]	?	[а]
дмитриевский	перед гласным из ё		перед гласным из ё
суджанский	перед [e], [o]		перед [o]
шипровский	перед [e], [o]		перед [o]

⁴⁷ По данным Л.В. Шербя длительность ударного гласного в положении после мягкого согласного составляет около 113% от его длительности после твердого (для позиции перед глухими слышимыми согласными).

⁴⁸ Речь идет о длительности, равной длительности того же звука в положении после твердого согласного.

В истории славянских языков сходные явления наблюдались уже не раз. Так, в различных славянских диалектах интерпретация гласного как долгого для краткого могла зависеть не только от различий в собственной длительности гласного, но даже и от различий в длительности гласного в зависимости от типа следующего согласного (например, в положении перед глухим согласным длительность гласного при прочих равных условиях составляет в разных языках 75–90% от его длительности перед соответствующим звонким). Так, наличие или отсутствие компенсаторного удлинения гласного поному образованию в результате падения слабого редуцированного слогового слога в ряде славянских диалектов зависело от длительности находящегося между ними согласного и, соответственно гласного поному образованию – чем короче был следующий согласный, тем дольше фонетически был гласный, тем в большей степени он был склонен к переходу в класс долгих [Timberlake 1983: 300]. Длительность согласных увеличивается в соответствии со следующей шкалой: сонорные – звонкие шумные – глухие шумные (при этом иногда еще имеет значение и способ образования – фрикативные оцениваются как менее долгие по сравнению со звонкими). Чрезвычайно существенным при этом представляется то, что разные языки производят границу между долгими и краткими гласными в разных местах этой шкалы – ситуация, удивительно напоминающая ситуацию формирования многообразных типов русского диссимиллятивного яканья в зависимости от того, какой из гласных оценивается как долгий, а какой – как краткий на шкале градуальной увеличения длительности с понижением подъема гласного. Так, по данным А. Тимберлейка [Timberlake 1983: 300], компенсаторное удлинение гласного поному образованию в результате падения слабого редуцированного слогового слога при прочих равных условиях в северных чакавских диалектах сербско-хорватского языка происходит только в положении перед сонорным, в польском и южных чакавских диалектах сербско-хорватского – перед сонорным и звонким шумным, в украинском – перед сонорным, звонким шумным и глухим шумным и т.д.

Таким образом, все разнообразие диссимиллятивных моделей вокализма связано, в первую очередь, с тем, к какому классу относятся гласные верхнего и нижнего подъема – к классу долгих или кратких гласных (при том, что гласные верхнего и нижнего подъема всегда функционировали как краткие, а гласный нижнего подъема – как долгий).

Изложение здесь гипотезы позволяет не только предположить, что фонетическое объяснение возникновения различных типов диссимиллятивного яканья-яканья (принимая во внимание для всех этих типов) она позволяет отказаться и от представления о том, что причиной их возникновения была утрата противопоставления между гласными среднего и верхне-среднего подъема, а это, в свою очередь, позволяет объяснить наличие семфонемного ударного вокализма в говорах с жидиунской, донской, суджанской и другими предударными моделями. Таким образом, становится несомненным предположить для говоров с дмитриевским яканьем шестифонемной системы ударного вокализма с (ѐ), но без (е), тем более, что "существование систем вокализма только с одной фонемой /ѐ/, по-видимому, не подтверждается, поскольку сведения о наличии в говоре /ѐ/ при отсутствии /и/ можно пока подчеркнуть лишь из недостаточного обстоятельных материалов" [Высоцкий 1967: 15].

Отметим еще раз, что недиссимиллятивные модели вокализма распространены преимущественно на той территории, где наблюдается наибольшая степень контраста между гласными первого предударного и других безударных слогов, а диссимиллятивные – там, где степень выраженности этого контраста меньше. Исходя из этого, можно предположить, что столь значительное удлинение гласного первого предударного слога было связано со значительным же сокращением гласного второго предударного слога.

Как уже отмечалось выше, возникновение умеренного яканья⁴⁹ принято объяснять

⁴⁹ Принимая умеренного яканья состоит в том, что в первом предударном слоге⁴⁹ после мягких согласных на месте гласных фонем верхнего подъема перед твердыми согласными

написанном несимметричного яканья-яканья на окошечку модель владимиро-поволяжского типа. Эта концепция, предложенная Е. Буаде (Буаде 1896), получила развитие в работах В.Н. Сидорова (Сидоров 1951; 1966).

Как полагал Е. Буаде, а вслед за ним и В.Н. Сидоров, современные диалекты с умеренным яканьем (по крайней мере, та их часть, которая расположена на границе с окошечным владимиро-поволяжским говором) были изначально севернорусскими⁵⁰ говорами с произношением [o] перед твердыми согласными и [e] перед мягкими на месте как *е и *ь, так и *ъ (т.е. *n' o/sj', v' o/adj* и *v' a/sj', p' a/kd* при *n' u/ki, p' u/ki*). Под влиянием акающей модели, в которой безударное [o] отсутствует, в этих диалектах стали произносить [a] на месте любого [o], в том числе и после мягких согласных (а также [и] на месте [e]): т.е. *n' a/sj', v' a/adj* и *v' a/sj', p' a/kd* при *n' u/ki, p' u/ki*.⁵¹ В результате образовался говор, представляющий собой по существу акающий слепок, отпавший от акающей модели" (Сидоров 1966: 105). Однако такая система еще не есть северовосточных - Костромских, Вологодских, Архангельских) на месте предударного [a] произносится [a] как перед твердым, так и перед мягким согласным (*n' a/ma, n' a/mi*), а в говорах с умеренным яканьем в словах типа *тради, пшени, в зрели, гандит* предударная [a] реализуется звуком [и] ([и]т'и). Этот факт (как и разнобразные диссимиллятивные модели, см. выше) приводит к объяснению аналогичным образом. В результате замещения предударного [e] ([и] старших е и в) гласного [и] эта особенность в положении между мягкими согласными получила отголосок численное просодия над относительно редкой здесь гласной [a]. Это, по всей вероятности, и послужило причиной постепенного вытеснения редкого звука [a] наиболее частым и привычным в данном положении звуком [и]. Иными словами, система современного умеренного яканья образовалась в результате обобщения гласной и между мягкими согласными, поскольку в говорах с первичным умеренным яканьем гласная [a] произносилась в предударном слове между мягкими согласными только в соответствии с этимологическим [a], во всех же прочих случаях произносилось [и]" (Сидоров 1966: 108).

Другим старым местом предположенной интерпретации умеренного яканья как несоединенной несимметричного яканья-яканья на окошечку модель, именно владимиро-поволяжского типа является тот факт, что говоры с последовательным произношением безударного [o] на месте *ъ встречаются достаточно редко (во ср. вневсего с умеренно акающими говорами), при этом реализация *ъ как [o] в значительной степени лексикализованна⁵², умеренное же яканье распространено на довольно широкой территории, включая говоры Московской и Тульской областей, не связанные с владимиро-поволяжскими говорами географически⁵³. Впрочем, даже и в восточной части территории распространения умеренно-яканьющих диалектов говоры с различением гласных влад.-поволяж. типа негде (кроме небольшого пространства около Касимова) непосредственно не граничат с умеренным яканьем" (ОСН 1970: 342). Кроме того,

произносится [a], а перед мягкими [и] ([и] произносится также в пер.д. группы согласных, последний из которых является мягким - например, *n' i/sk' id, v' i/du/rd, v' i/m'a' i/a, d' i/sir' j'enka* - это, по-видимому, объясняется тем, что согласные, находящиеся перед нейтральными (невоскресными) гласными, по полумягкими [Дурново 1903] или просто мягкими, являются хотя и не палатализованными, но полумягкими [Дурново 1903] или просто нейтральными (невоскресными) гласными [Сидорова 1966: 139].

⁵⁰ В сопременной лингвистической литературе принято относить не к севернорусскому наречию, а к севернорусскому говору [Захарова, Орлова 1970].

⁵¹ В сравнительно небольшом количестве пунтов произношение [o] на месте *ъ отмечено как основное произношение... Во многих владимиро-поволяжских говорах предударное о на месте этимологического *ъ наблюдается только в определенном круге слов" (Сидорова 1962: 113, 116).

⁵² Видимо, именно этот факт позволил Р.И. Аванесову не связывать возникновение умеренного яканья именно с владимиро-поволяжским диалектом [Аванесов 1955: 41]. Другие аргументы против гипотезы Е. Буаде-В.Н. Сидорова см. в работе [Котков 1952].

"Современные процессы перехода от вокализма с различением гласных к вокализму с неразличением этих же гласных не ведут к формированию умеренного яканья... От вокализма с различением гласных влад.-поволяж. типа обычно наблюдается переход к оканью и иканью" (ОСН 1970: 342). Поэтому, возможно, логичнее было бы предположить, что умеренное яканье является просто результатом действия в говоре с сильным яканьем-яканьем тенденции к зависимости качества предударного гласного (в том числе и реализации [a]) от твердости/мягкости последующего согласного, а не наоборот: яканья на какую-то определенную модель окошечного вокализма после мягких согласных (хотя в говорах, соседних с владимиро-поволяжскими, развитие умеренного яканья могло быть поддержано наличием сходной модели безударного вокализма после мягких согласных). О возможности происхождения умеренного яканья из связи с влиянием владимиро-поволяжской модели безударного вокализма см. также [Дурново 1918: 83]⁵⁴, [van Marck 1934-1935; Калинин, 1952]. Как кажется, такая интерпретация механизма возникновения умеренного яканья совершенно не противоречит общей филологии гипотезы В.Д. Сидорова⁵⁴.

Наконец, формирование ассимилятивно-диссимиллятивных моделей может быть связано с широко распространенным в русских говорах явление межслоговой вокальной ассимиляции. При этом возникновение [a] на месте [ъ] перед ударным [a] при отсутствии безударных [e], [a] перед соответствующими ударными гласными может объясняться тем, что безударное [a] (в отличие от [e] и [o]) уже было возможным в первом предударном слове в говорах с диссимиллятивными типами предударного вокализма.

Иначе объясняли возникновение ассимилятивно-диссимиллятивного яканья Н.Н. Дурново и В.Н. Сидоров, считавшие, что оно может быть, вошедло только к такой модели яканья, в которой различаются предударные гласные на месте фонемы (и), с одной стороны, и фонем неверхнего подъема, с другой (поскольку в ассимилятивно-диссимиллятивных моделях на месте фонемы (и) произносится [и] в том числе и перед ударным [a], т.е. на реализацию этой фонемы принцип ассимиляции ударному [a] не распространяется; иначе говоря, предударное [a] в позиции перед ударным [a] не может быть из [и], так как тогда [и] любого происхождения давало бы [a]). Этому условию, по мнению Н.Н. Дурново и В.Н. Сидорова, удовлетворяет только задонский подтип архаического диссимиллятивного яканья (отличающийся от обонского наличием [e] на месте [и]). "Ассимилятивно-диссимиллятивное яканье... получилось из диссимиллятивного восточного (задонского) типа вследствие ассимиляции предударных открытых гласных ударного слога" [Дурново 1923: 369]. "Ассимилятивно-диссимиллятивное яканье должно восходить к такому типу архаического диссимиллятивного яканья, в котором предударная гласная на месте гласных неверхнего подъема различалась с предударной гласной из этимологического и. Этому требованию как раз удовлетворяло диссимиллятивное яканье задонского типа" [Сидорова 1969: 13]. Основным недостатком этой гипотезы является тот факт, что в русских говорах ассимилятивно-диссимиллятивное яканье на базе архаического не зафиксировано [Моряховская 1962]. Кроме того, исходя из этой точки зрения, очень сложно объяснить возникновение кидуловского, кутлуквовского и новоселковского типов непосредственно из архаического.

С другой стороны, легко видеть, что предложенному Н.Н. Дурново и В.Н. Сидоровым объяснению вполне удовлетворяет не только задонская модель, но и система любого типа диссимиллятивного яканья на этапе до изменения [a] → [и] (тем самым ассимилятивно-диссимиллятивные модели следует считать достаточно древними; об этом см. выше).

⁵³ "Происхождение умеренного яканья на южновеликорусской почве без влияния со стороны вполне возможно" [Дурново 1918: 83].

⁵⁴ Отметим, впрочем, что и гипотеза Е. Буаде-В.Н. Сидорова не противоречит идеем в данной работе концепции, так как умеренное яканье в ее рамках выводится из взаимодействия окошечного и несимметричного яканья.

отражении этих моделей в документах XVII века, написанных в районе Рязьки и Рязни, см. [Новопокровская 1959¹⁵].

В заключение данного раздела необходимо отметить, что многие другие положения теории А. А. Шахматова представляются вполне обоснованными. В частности:

1. Возникновение аканья связано с формировавшимся единым ударением в результате схождения автономного и автоматического типов ударения. "Утрата физического различия между автономным и автоматическим ударениями... привела к образованию единого динамического ударения - такого же, как в современных восточнославянских языках. Прежние энклимены перестали отпадать от прежних начальнударных ортогонических словформ (в традиционных терминах это событие описывается как падение интонационных различий). К какому времени относятся это событие, в точности неизвестно. Из общих соображений можно предположить, что оно... в целом не слишком сильно отстояло во времени от падения регулируемых... Схождение автономного и автоматического ударений произошло раньше, чем возникло аканье" [Зализняк 1985: 178].
2. С точки зрения фонетической аканье - это не проблема *о/я*, а проблема нейтрализации неодударных гласных неодударного подъема, которые первоначально, может быть, и не реализовались звуком [я].
3. Аканье в своем развитии прошло две стадии: а) стадию фонетического схождения безударных гласных неодударного подъема (в терминах фонологии - стадию унификации⁵⁶ их ДПД) [Горшкова, Хабургаев 1997] в б) стадию формировавшихся фонетических реализаций уже унифицированного гласного (по крайней мере в некоторых - диссимилативно аканющих - говорах)⁵⁷. "Из предыдущего следует, что наиболее

⁵⁵ Иное (нефонетическое) объяснение возникновения ассимилятивно-диссимилативного аканья см. в работе [Захарова 1977].
⁵⁶ Возможно, точнее было бы говорить, не об унификации (т.е. схождения значений) всех ДПД, а об утрате некоторых из них (ряда или/или левая/правая) безударных гласных.
⁵⁷ Впрочем, возможно, это не относится к белорусским ортогоническим говорам, в которых в первом предупредном слоге наблюдается неразличимое гласных неодударного подъема в положении перед ударными гласными среднего и нижнего подъема (монглими) и различимое, сопровождаемое удлинением, перед гласными верхнего и средне-верхнего подъема (краткими) [Войтович 1972: 18-26], а также к гласной и подгласной подъяма безударного подъяма, свойственным русским говорам севера Пермской обл. [Чекмонас 1998].

вокализм первого предупредного слога подъяма	ударный гласный	вокализм первого предупредного слога гласного типа
аканье-яканье	верхнего подъяма	аканье-яканье
оканье	среднего подъяма	оканье
оканье	нижнего подъяма	аканье-яканье

Для этих говоров можно предположить отсутствие первой стадии.

Очевидно, что полновская и гловская модели формировались не независимо друг от друга. По мнению В. Н. Чекмонаса [Чекмонас 1998: 119], основанному преимущественно на анализе лингвостатистических данных, полновская модель возникла в результате взаимодействия оканья и вокализма гласного типа; последний, в свою очередь, сформировался под влиянием финно-угорских диалектов с гармоничными гласными [Чекмонас 1998: 125-130]. Из системно-типологических соображений более вероятным представляется обратное предположение - развитие гловской модели из полновской в результате нахождения на нее принципа ассимиляции (особенно ассимилятивно-диссимилативному) и ассимилятивно-инерсаному аканью). Т. Г. Строганова (см. [ОСН 1970: 451]) в соответствии со стандартом точкой зрения на возникновение аканья возводит полновскую и гловскую модели к диссимилативному аканью (несмотря на отсутствие диссимилативных моделей в аканющих говорах, соседствующих с гловскими и полновскими). Критику этой гипотезы см. в [Чекмонас 1998: 121-122].

архивными следует признать те говоры, которые в наибольшем числе случаев сохраняли в слоге предупредном. И если в этих говорах в предупредном слоге все-таки является и я, то это и не может быть, впрочем, ясно, что оно заменило г под влиянием той или иной звуковой причины" [Шахматов 1915: 340].

4. Нормы реализации этого гласного после твердых и мягких согласных формировались параллельно, а поэтому не может ставиться вопрос о происхождении аканья (в узком смысле) в отдельности - о происхождении аканья [Горшкова, Хабургаев 1997: 116-117].

С другой стороны, с точки зрения изложенной выше концепции, необходимым представляется предположение А. А. Шахматова о первичности диссимилативного аканья по сравнению с недиссимилативным. Признание первичности недиссимилативного аканья позволяет отказаться от предположения о том, что "зона старших аканющих говоров могла находиться в центре общесло арала аканья-яканья" [Горшкова, Хабургаев 1997: 111]. То есть на "глухой восточнославянской периферии, удаленной от важнейших древнерусских (позднее великорусских) культурных центров" [Горшкова, Хабургаев 1997: 113]; данная гипотеза может считаться вполне верной лишь для объяснения формирования вторичных диссимилативных моделей предупредного вокализма. Возникновение же недиссимилативного аканья (в том числе и иканья) может быть рассмотрено как процесс, общий для обширной группы современных аканющих говоров.

Подробный анализ современных лингвостатистических данных в связи с проблемой территории возникновения аканья и вопросом о том, какой из типов аканья является первичным, содержится в работе [Хабургаев 1980]. Эти сведения являются, по существу, едва ли не единственным аргументом в пользу первичности диссимилативных моделей аканья, поскольку, как это было показано выше, из системных соображений более вероятной представляется гипотеза о первичности недиссимилативного аканья, а данные памятников письменности не дают никаких оснований считать наиболее древним архивное диссимилативное аканье⁵⁸. Однако следует иметь в виду, что данные лингвостатистики сами по себе нельзя рассматривать как окончательный аргумент в пользу той или иной гипотезы. Постановка подобных вопросов на основе интерпретации и фактов всегда имеет предварительный и более или менее условный характер, их полное разрешение требует синтеза с показанными памятников письменности и еще более детального изучения каждого явления в отдельности" [Орлова 1961: 5].

Г. А. Хабургаев, в частности, отмечает: «Поскольку, как это обнаруживается из исследований последних десятилетий, при столкновении аканья-яканья с оканьем "побеждает" аканющая система как более последовательная реализующая обшную для всех восточнославянских языков тенденцию к *обобщению* ДПД безударных гласных, то можно считать установленным, что в целом *архаичная* аканья-яканья в историческое время неуклонно расширяется. А это значит, что зона старших говоров должна находиться в центре общесло арала аканья-яканья»⁵⁹. На территории старших древнерусских поселений центр арала занят говорами с различными разновидностями диссимилативного аканья-яканья [Хабургаев 1980: 143]. Однако, на наш взгляд, нет оснований считать, что территория, на которой первоначально возникло аканье, обязательно представляла собой "точку" в пространстве вля даже какой-то очень маленький арал; вполне можно допустить и то, что аканье изначально возникло на достаточно об-

⁵⁸ Более или менее надежные сведения письменных источников о диссимилативном характере аканья (впрочем, при недиссимилативном аканье) в восточнославянских (хурских) говорах относятся лишь к середине XVII в. [Хабургаев 1960], при том что возникновение аканья принято датировать концом XII - началом XIII вв. В более ранних памятниках следов диссимилативности не обнаруживается [Филин 1972: 120-128].

⁵⁹ Впрочем, тот факт, что территория распространения аканющих говоров увеличивалась за счет оканющих, отнюдь не означает того, что первоначально аканье возникло именно в центре современного аканющего массива.

широкой территории, тогда вопрос о том, какой именно тип аканья-яканья представлен сейчас в его центре, становится неактуальным. Кроме того, "выявляе признаки аканья, приближавшегося к звонку оканующую орфографию, в письменности XIV в. Москвы, Белогорск, Смоленск, Псков, т.е. на огромной территории, делал и в воле непростителю гипотезу, по которой аканье возникло только в XIII в. на отграниченном пространстве равновозвонке Оки. Объяснить почти молчаливое распространение аканья на обширных землях невозможно" [Филип 1972: 147]. Наконец, нельзя считать установленным, что смена оканья аканьем при "столкновении" этих систем является результатом действия какой-то тенденции, общей для всех восточнославянских языков. Во-первых, действия этой тенденции не наблюдается по сравнению с оканющей и украинской говорах. Во-вторых, аканющая система по сравнению с оканющей является более сложной (как любая система с нейтрализацией фонем по сравнению с системой без их нейтрализации). В-третьих, нельзя исключать возможности того, что смена оканья аканьем при их взаимодействии происходит не в результате действия какой-то внутряязыковых тенденций, а просто в силу большей престижности аканья - в таком случае это явление не может быть описано к моменту формирования и распространения аканья (а о его точной хронологии восточных славянских языков не существует: нельзя, например, с полной уверенностью сказать, когда аканье сменялось аканьем в том или ином диалекте - до или после формирования русского литературного языка нового типа).

Далее Г.А. Хабургаев (основываясь на мнениях Р.И. Аванесова [Аванесов 1955]) пишет: "Данные лингвистической географии заставляют обратить внимание на целый ряд особенностей ареала равнодильностей аканья-яканья, связанных с диссимилативной зависимостью качества предударенного гласного от степени подъема гласного под ударением: в его границах диссимилативное аканье в уаком смысле (после твердых согласных), как правило, сопровождается диссимилативным аканьем, в то время как недиссимилативное аканье (в уаком смысле) сопровождается самыми разнообразными равнодильностями реализации α (после мягких согласных) - от диссимилативного для ассимилированного-диссимилативного аканья до московского аканья, при котором фонетическая реализация α (после мягких согласных) не имеет ничего общего с фонетической реализацией α (после твердых согласных) [Хабургаев 1980: 143-144]. Здесь предстает уместным заметить, что α недиссимилативное аканье может сопровождаться не только диссимилативным или ассимилированным-диссимилативным аканьем или яканьем, но и параллельным ему мягким аканьем α и при диссимилативном аканье, совершенно в той же степени, как при яканье. "фонетическая реализация α (после мягких согласных) не имеет ничего общего с фонетической реализацией α (после твердых согласных) перед гласными нижнего и среднего подъема. Таким образом, утверждение о том, что "только (выделено мной. - С.К.) в ареале равнодильностей аканья-яканья, "связанных с диссимилативностью", встречаются говоры, в которых типы фонетической реализации α после твердых и после мягких согласных полностью совпадают" [Хабургаев 1980: 144] не соответствует действительности - в ряде говоров с сильными аканьем и недиссимилативным аканьем (т.е. с [a] как после мягких, так и после твердых согласных) существуют и системы, в которых гласные верхнего подъема после твердых согласных нейтрализуются в звуке типа [ъ], а после мягких - в звуке типа [э] или близкого ему спектрально короткого напряженного [л] (см. выше). Наконец, не совсем ясно, почему параллельно реализации гласных после твердых и после мягких согласных должен быть выявлен более древний, чем зависимость тембра безударного гласного от свойства предшествующего согласного (ведь именно такую зависимость предполагал еще А.А. Шахматов для диссимилативного аканья-яканья). Г.А. Хабургаев заключает свою мысль: "Именно представление о единстве взаимосвязанных гласных после твердых и после мягких согласных лежит в основе пахматовской концепции происхождения аканья-яканья" [Хабургаев 1980: 144]. Легко видеть, что изложенная выше концепция возникновения аканья отнюдь не противоречит этому положению. Кроме того, эта концепция позволяет устранить вопрос о

том, почему при взаимодействии оканющих и аканющих моделей в истории русского языка оканье сменяется не диссимилативным, а сильным аканьем. По мнению Г.А. Хабургаева, "при столкновении аканья с так называемым "оканьем" побеждает аканющая система... К северу и к югу от предполагаемой зоны формирования, где аканье-яканье распространялось, охватывая славянскую речь, известны лишь его недиссимилативные разновидности... Это означает, что носители соседних древнерусских говоров восприняли лишь основную принцип аканья, не "улавливая" мнение диссимилативной зависимости качества предударенного гласного от степени подъема гласного ударяемого слога" [Хабургаев 1980: 142, 145]. Очевидно, что предположение о переносности недиссимилативных моделей аканья позволяет описать отмеченный Г.А. Хабургаевым факт гораздо более реалистично - в этом случае при смене оканья аканьем как недиссимилативное аканье усваивается именно недиссимилативное аканье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аванесов Р.И. 1947 - Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник Московского университета. 1947. № 9.
 Аванесов Р.И. 1952 - Лингвистическая география и история русского языка // ВЯ. 1952. № 6.
 Андриенко Р.И. 1955 - Проблемы образования языка венгеро-русской народности // ВЯ. 1955. № 5.
 Андриенко З.М., Кулишвили Р.З. 1980 - Редукция гласных и просодия слова в оканющих русских говорах. Казань, 1980.
 АРНГ 1957 - Atlas русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Вступительные статьи и комментарий. М., 1957.
 Бурде Е. 1896 - К истории венгеро-русских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Казимовском уезде Рязанской губернии. Казань, 1896.
 Бондарко Л.В. 1998 - Фонетика современного русского языка. СПб., 1998.
 Борковский В.И., Кузнецов П.С. 1965 - Историческая грамматика русского языка. М., 1965.
 Брук О. 1916 - Говоры к западу от Мосальска. Петербург, 1916.
 Володимир Н.Т. 1972 - К вопросу о путях развития аканья в восточнославянских языках // Общеславянские лингвистические атласы. Материалы и исследования. 1970. М., 1972.
 Высокоский С.С. 1967 - Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков и севернорусских говорах (по материалам экспериментально-фонетического исследования) // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.
 Высокоский С.С. 1973 - О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.
 Георгиев В.И. 1963 - Русское аканье и его отклонение к системе фонем праславянского языка // ВЯ. 1963. № 2.
 Георгиев В.И. 1964 - Общеславянское значение проблемы аканья // ВЯ. 1964. № 4.
 Георгиев В.И. 1965 - Аканье и яканье в истории русского языка // Проблемы современной филологии. М., 1965.
 Георгиев В.И. 1968 - Праславянский вокализм и проблема аканья // В.И. Георгиев, В.К. Журавлев, Ф.П. Филин, С.И. Стойков. Общеславянское значение проблемы аканья. София, 1968.
 Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. 1997 - Историческая грамматика русского языка. М., 1997.
 Дурново Н.Н. 1903 - Описание говора дер. Царфенок Рязанского уезда Московской губ. Варшава, 1903.
 Я глубоко признателен своим коллегам по кафедре русского языка филологического факультета МГУ - Е.Л. Бардуларной, Е.Ф. Васеко, Л.А. Илюшиной, Т.В. Михайличевой, Е.А. Нефедовой, С.К. Пожарской, А.В. Пленцовой и М.Н. Шевелевой, а также Р.Ф. Касаткиной, Д.Л. Каптежиной, С.В. Корзолову (Институт русского языка РАН) и С.Л. Николаеву (Институт славяноведения РАН) за то, что они вдали от Москвы прочитали несколько версий данной статьи; их замечания, дополнения и чрезвычайно интересные вопросы позволили очень существенно ее улучшить. Особую благодарность в ходил бы выразить Е.А. Галинской - ее помощь была просто неоценимой. Конечно, вся ответственность за ошибки, неточности и недочеты, если они все же сохранились в тексте, целиком лежит на авторе статьи.

- Друноно Н.Н. 1918 – Диалектологические исследования в области великорусских говоров. Ч. I. Южнославянорусское наречие. М. 1918.
- Друноно Н.Н. 1923 – Ответ проф. Е.Ф. Булье // Известия ОРЯС. Т. XXIV. Кн. 2. Петроград, 1923.
- Друноно Н.Н. 1924 – Очерк истории русского языка. М. 1924.
- Зайданке А.Д. 1985 – От праславянской акцентуации к русской. М. 1985.
- Зайданке К.Ф. 1959 – Арханские типы диссимильного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. I. М., 1959.
- Зайданке К.Ф. 1961 – Некоторые случаи утраты арханского типа диссимильного яканья (По материалам "Атласа русских народных говоров юго-западных областей РСФСР") // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Вып. II. М., 1961.
- Зайданке К.Ф. 1971 – Типы диссимильного яканья в русских говорах // ВЯ. 1971. № 2.
- Зайданке К.Ф. 1977 – К вопросу о генетической основе типов ассимилятивно-диссимильного яканья // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.
- Зайданке К.Ф., Орлова В.Г. 1970 – Диалектное членение русского языка. М., 1970.
- Калицкий Д.Э. 1952 – Коломенские говоры в их истории и современном состоянии. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1952.
- Калицкий Д.Э. 1998 – Некоторые фонетические особенности современных русских говоров, описанных в начале XX века О. Брокен // А семанты of Slavic studies. In Norway. The Olaf Vroch Symposium. Oslo, 1998.
- Калицкий Р.Ф., Шазель Е.В. 1995 – Ассимилятивно-диссимильное яканье // Проблемы фонетики II. М., 1995.
- Калицкий Р.Ф., Калицкий Д.Э., Красовицкий А.М., Савинко Д.М., Шазель Е.В. (в печати) – Русские народные говоры. Зачатки хрестоматия. Ч. II. Южнорусское наречие.
- Калицкий С.В. 1998 – Фонетическая реализация ударения в различных фразовых позициях в современном русском языке // Фонетика сегодня: актуальные проблемы в университетском образовании. Тезисы докладов Международной конференции. Зеленогорск. 25-27 ноября 1998 года. М., 1998.
- Калицкий С.В. 1999 – О прогрессивной ассимиляции в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1999. № 4.
- Калицкий С.В., Дешина А.Н., Пажарникова С.К. 1997 – О говорах Верхней Тинеты и Выли // Вопросы русского языкознания. Вып. VII. Русские диалекты: история и современность. М., 1997.
- Калицкий С.В. (в печати) – Красные акценты в русском языке.
- Калицкий С.В., Орлова В.Г. 1952 – К изучению орловских говоров // Уч. зап. Орловского. пед. ин-та. Т. VII. Вып. 3. Орел, 1952.
- Кузнецов В.Б., Орлов В.А. 1989 – Автоматический синтез речи. Алгоритмы преобразования "бува-заву" и управление длительностью речевых элементов. Таллинн, 1989.
- Кузнецов П.С. 1964 – К вопросу о проксоджени аканта // ВЯ. 1964. № 1.
- Курило О.Б. 1928 – До пятнадцатого проксоджени аканта // Зап. историко-филологического викария Укр.АН. Т. XVII. Київ, 1928.
- Лыткин В.И. 1965 – Еще к вопросу о проксоджени русского аканта // ВЯ. 1965. № 4.
- Мордехайская О.Н. 1962 – Соотношение типов аканта в говорах рязанской мецеры // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. III. М., 1962.
- Новоломоуская В.Н. 1955 – Диалектные особенности рязанских говоров XVIII века (по рукописи Рязанского областного архива УМВД). Дис. ... канд. филол. наук. Рязань, 1955.
- Новоломоуская В.Н. 1959 – О некоторых особенностях вокализма рязанских говоров XVII в. // Материалы совещания по изучению южнорусских говоров и памятников письменности при Воронежском университете. Воронеж, 1959.
- ОСН 1970 – Образование севернорусского наречья в среднерусских говорах (по материалам лингвистической географии). М., 1970.

- Орлова В.Г. 1961 – Русско-белорусские языковые отношения по данным диалектологических атласов // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. II. М., 1961.
- Орлова В.Г., Шазель Е.В. 1980 – Активные процессы в современном русском литературном произношении (ассимилятивные изменения безударных гласных) // ИАН СЛЯ. 1980. № 1.
- Пажарникова С.К. 1997 – Русская диалектология. М., 1997.
- Полония А.Д. 1865 – О звуковых особенностях русских наречий // Филологические записки. Вып. 1. Воронеж, 1865.
- Руденко В.Г. 1963 – К фонетической интерпретации русского аканта // ВЯ. 1963. № 2.
- Сидорова В.Н. 1951 – О проксоджени умеренного аканта в среднерусских говорах // ИАН СЛЯ. Вып. 2. М., 1951.
- Сидорова В.Н. 1966 – Умеренное яканье в среднерусских говорах и севернорусское яканье // В.Н. Сидорова. Из истории звуков русского языка. М., 1966.
- Сидорова В.Н. 1969 – Два пути образования умеренного аканта из аканта // В.Н. Сидорова. Из истории исторической фонетики. М., 1969.
- Скобелева Е.С. 1962 – О судьбе этимологического ъ в первом предударном слове перед твердым согласным в говорах владимирско-половской группы // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. III. М., 1962.
- Трубецкой Н.С. 1987 – О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства // Н.С. Трубецкой. Избранные труды по филологии. М., 1987.
- Филин Ф.Л. 1868 – О проксоджени и развитии восточнославянского аканта // В.И. Георгиев. В.К. Жураваев, Ф.П. Филин, С.И. Стойков. Общеславянское значение проблемы аканта. София, 1968.
- Филин Ф.Л. 1977 – Проксоджени русского, украинского и белорусского языков. М., 1977.
- Хабурзова Г.А. 1960 – К истории некоторых фонетических особенностей курских говоров // Вопросы русского языка и истории его преподавания. Курск, 1960.
- Хабурзова Г.А. 1965 – О фонологических условиях развития русского аканта // ВЯ. 1965. № 6.
- Хабурзова Г.А. 1975 – Географическое варьирование системных отношений как материал исторической диалектологии // Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975.
- Хабурзова Г.А. 1980 – Становление русского языка (пособие по исторической грамматике). М., 1980.
- Чекманов В.Н. 1989 – Аканье (яканье) и редукция безударных гласных северного подъяка // Калбуца № 40(2). Ульиц, 1989.
- Чекманов В.Н. 1987 – Территория зарождения и этапы развития восточнославянского аканта в свете данных лингвогеографии // Russian Linguistics. 1987. № 11.
- Чекманов В.Н. 1998 – Аканье и оканье в северной части Псковской области (полонские говоры) // Калбуца № 47(2). Slavistica Vilnensis. Ульиц, 1998.
- Шихалин А.А. 1893 – Исследования в области русской фонетики. Варшава, 1893.
- Шихалин А.А. 1915 – Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии / Под ред. И.В. Ягича. Петроград, 1915.
- Шербил Д.В. 1912 – Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912.
- Бекман М.Е. 1986 – Stress and non-stress accent. Dordrecht, 1986.
- Halle M. 1965 – Aканье. The treatment of unstressed nondiffuse vowels in Southern Great Russian dialects // Symbolae Linguisticae in honorem Georgii Kurilowicz. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1965.
- Jacobson R. 1929 – Remarque sur l'évolution phonologique du russe // TCLP. 2. 1929.
- Kobason S.V. 1999 – Russian // N. van Marst (Ed.). Word prosodic systems in the languages of Europe. Berlin; New York, 1999.
- Timberlake A. 1983 – Compensatory lengthening in Slavic. 2: Phonetic reconstruction // American contributions to the Ninth International Congress of Slavists. Kiev, September 1983. V. I. Linguistics / Ed. by M.S. Flier. New York, 1983.
- Vallent A. 1950 – Grammatik comparée des langues slaves. T. 1. Paris, 1950.
- van Marst N. 1934–1935 – Zur Entwicklungsgeschichte des Aканье und Jakanje // Slavia. 1934–1935. № 4.